

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА (Э. ХЕЛСПЕР, И. МАРИЕН): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Наталья Викторовна Плотицкина (oochronos@mail.ru)

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Цитирование: Плотицкина Н.В. (2024) Теоретические модели социально-цифрового неравенства (Э. Хелспер, И. Мариен): сравнительный обзор. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 7–38.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.1>. EDN: GKOUUQ

Аннотация. Статья фокусируется на объяснительных схемах, исследовательской логике, эвристических возможностях модели корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии (Э. Хелспер) и модели континуума социально-цифрового неравенства, профилирования групп риска цифровой изоляции (И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар) в экспликации трехуровневого конструкта цифрового разрыва. Показано, что современные исследования цифровой инклюзии опираются на классические социологические концептуализации неравенства Э. Гидденса, П. Бурдьё, возможностный подход А. Сена, интерсекциональную теорию К. Креншоу. В основе моделей Э. Хелспер и бельгийских исследователей — идея взаимосвязи социальной и цифровой изоляции, реинтерпретация бурдьёвистских категорий «поле», «ресурс», «капитал». Согласно Э. Хелспер, поля эксклюзии дифференцируются по объему ресурсов, автономны, но взаимосвязаны, фреймируют индивидуальные действия. Операционализация понятия личных ресурсов в аналитическую модель полей эксклюзии позволяет Э. Хелспер учитывать свободу выбора индивида в конструировании онлайн-практик. Социально-цифровое неравенство характеризуется как неравенство ресурсов и возможностей. Модель Э. Хелспер опирается на теорию структуризации Э. Гидденса в понимании связи между социотехнической структурой и действием пользователей. Раскрыт эвристический потенциал возможностного подхода в экспланации цифровой инклюзии. Бельгийская модель опирается на аналитический конструкт Э. Хелспер, фокусируясь на установлении факторов риска эксклюзии, релевантных ресурсам индивида. Цифровое неравенство интерпретируется как континуум, спектр позиций на шкале от глубокой эксклюзии до глубокой инклюзии. В модели И. Мариен и соавторов выделены восемь профилей (не)пользователей, определены социальные и цифровые предикторы неравенства, подчеркнута динамичность и процессуальность цифровых интеграции и изоляции. Модель показывает, что социально и экономически уязвимые группы могут быть активными пользователями онлайн-технологий. Выявлены отличия модели континуума социального и цифрового неравенства от концептуального конструкта Э. Хелспер: вместо посредников

взаимного влияния онлайн- и офлайн-полей эксклюзии предложены индикаторы риска изоляции, установлены прямые и косвенные причинно-следственные связи между детерминантами социальной и цифровой эксклюзии. В заключении сделан вывод о целесообразности использования моделей в исследовании третьего уровня цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровое неравенство, социальное неравенство, цифровая инклюзия, цифровая эксклюзия, теория структуризации, структуралистский конструктивизм, Э. Хелспер, И. Мариен.

В научном дискурсе цифровая инклюзия интерпретируется как результат комбинации трех уровней digital-неравенства, что расширяет сферу исследований за пределы социально-экономического статуса и социально-демографического бэкграунда как основных источников цифровой инклюзии/эксклюзии. Метафора «стека цифрового неравенства» (Robinson et al. 2020) предполагает, что все слои в стеке (доступ, навыки, использование) взаимозависимы. Кроме того, метафорический конструкт выдвигает на первый план рекурсивную петлю социального и цифрового неравенства: digital-разрыв усиливает социальную дифференциацию. Вместе с тем офлайновые социальные структуры и практики влияют на способность людей использовать цифровые технологии в качестве инструмента социальной инклюзии.

Как отмечает Д. Кальдерон Гомес, несмотря на значительное число эмпирических работ, одна из проблем изучения digital-неравенства связана с дефицитом теоретической рефлексии взаимосвязи цифрового разрыва с общими механизмами социальной стратификации (в качестве исключения упоминается модель Э. Хелспер) (Calderon Gomez 2020: 2535). Хотя digital-эксклюзия признается многогранным явлением, исследователи часто упрощают картину, считая, что низкий объем социальных, экономических ресурсов автоматически предполагает невключенность индивида в сетевое общество. В соответствии с этим для понимания digital-неравенства необходимы новые *интерсекциональные* знания о коррелирующих социальных позициях пользователей в цифровом пространстве (Merisalo, Makkonen 2022: 232). В свете недавних исследований третьего уровня digital-неравенства возникает потребность в измерении и объяснении социальных, экономических, политических, культурных и личных последствий, ощутимых преимуществ применения web-ресурсов.

Демонстрация эмпирических возможностей изучения digital-разрыва требует опоры на базовые социологические концептуализации неравенства, когда исследовательская оптика интегрирует digital-неравенство

в социальную структуру, выявляет констелляцию digital-экслюзии и общих механизмов социального расслоения. В теоретических построениях взаимосвязь между индивидуальными digital-практиками и социальными возможностями интерпретируется на основе ресурсов социологии повседневности, представители которой пытаются преодолеть классическую дихотомию субъективного и объективного, структуры и действия. Аналитики digital-неравенства апеллируют к конструктивистскому структуризму П. Бурдьё (Helsper 2021; Calderon Gomez 2020; Ignatow, Robinson 2017; Ragnedda, Ruiu, Addeo 2022), концепту структуризации Э. Гидденса (Helsper 2021; Neves, Waycott, Malta 2018), морфогенетическому подходу М. Арчер (Eynon 2023), отдавая приоритет структурному контексту или практическому действию, признавая деятельность и структуру либо утверждая неразличимость социологических категорий.

Цель статьи — описать концептуальные модели континуума цифрового и социального неравенства (И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар) и корреляции онлайн- и офлайн-полей экслюзии (Э. Хелспер), эксплицировать аналитическую схему, оптику и логику исследования, свойственную моделям, выявить потенциал этой логики в изучении трехуровневого digital-неравенства.

Выбор указанных моделей обусловлен непредставленностью/периферийностью аналитических конструктов в российском научном дискурсе, отсутствием отечественных работ, в которых бы детально рассматривались концепты социально-цифрового неравенства Э. Хелспер, И. Мариен, Л. Ван Оденхоува, А. Асмар, фокусировкой моделей на выявлении корреляции между механизмами социальной и цифровой (экс)инклюзии, преемственностью между моделями (профилирование цифровых (ин)экслюзантов осуществляется бельгийскими авторами с учетом подхода Э. Хелспер). Показательно и то, что исследователи активно используют широкую категорию «цифровой инклюзии/экслюзии», учитывая влияние нетехнических (социальных, политических, культурных) факторов на digital-практики пользователей. Кроме того, моделям свойственен значительный эвристический потенциал в изучении трех уровней цифрового неравенства. Отметим также, что модели отчасти преодолевают дефицит исследований в сфере *интерсекционального digital-неравенства*. Так, И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар предлагают модель цифровой интеграции с восемью профилями, которые демонстрируют динамическое взаимодействие различных факторов в создании механизмов включения-исключения для *уязвимых* групп населения. Концепт Э. Хелспер выделяется на фоне остальных работ в сфере digital-неравенства своей междисциплинарностью, методологическим синтезом теорий поля, капитала,

габитуса П. Бурдые, структуриации Э. Гидденса, интерсекциональности К. Креншоу, возможностного подхода А. Сена. Социологи теоретизируют «цифровое», опираясь на П. Бурдые, зачастую фокусируясь на отдельных аспектах: габитусе или капитале. И при этом в их логических рассуждениях часто возникает апелляция к работам Э. Хелспер, что стимулировало наш научный интерес к аналитическим разработкам британской исследовательницы.

**Э. Хелспер: модель корреляции
онлайн- и офлайн-полей эксклюзии,
социально-цифрового неравенства ресурсов и возможностей**

Э. Хелспер рассматривает цифровую инклюзию как встроенную в офлайн-обстоятельства индивида (Helsper 2012: 405), поэтому исследование digital-интеграции основано на предшествующем анализе социальной изоляции. Хелспер предпочитает категорию «социально-цифровое неравенство», подразумевая различия в способностях и возможностях людей выгодно использовать digital-технологии, избегать негативных результатов цифровых взаимодействий (Helsper 2021: 28, 44). Термин придуман намеренно во избежание техно- и социодетерминизма. Кроме того, «использование технологий» заменяется «цифровым взаимодействием», включающим отказ от применения digital-ресурсов. Для Э. Хелспер digital-неравенство — это неравенство ресурсов и возможностей, обусловленное повседневными процессами социализации на мезоуровне (Helsper 2021: 8, 13).

Концептуализируя понятие «поля», Хелспер опирается на теоретизирование традиционного неравенства в форме капитала П. Бурдые, «возможностный подход» А. Сена, типологизацию форм доступа Я. ван Дейка (Helsper 2012: 405; Helsper 2021: 10). Бурдыевистская категория «капитала», интерпретируемая как ресурсные источники различных форм власти, определяющие шансы на выигрыш в поле (Sallaz, Zavisca 2007: 23), замещается понятием «ресурсы», предоставляющим возможность моделировать процессы приращения и конвертации активов в условиях доступа к IT-инфраструктуре (Helsper 2008: 18). Ресурсы интерпретируются как индикаторы, позволяющие логически операционализировать офлайн- и онлайн-поля эксклюзии (по Бурдые, капиталы лежат в основе не классовой структуры, а полей, при этом практики владельцев капиталов определяют динамику пространства) (Savage, Warde, Devine 2005: 42).

Для Хелспер методологическая сложность включения бурдыевистского термина «капитал» в объяснительные схемы изучения трехуровневой модели digital-неравенства заключена в его аналитической связке с кате-

горией «класса»: объем и структура «капитала» определяют иерархию позиций агентов в социальном пространстве, процессы структурирования поля, механизмы передачи позиций в социальном пространстве. По Бурдье, вопрос о том, к какому классу принадлежит индивид, превращается в вопрос о виде, объеме и структуре капиталов, которыми он обладает, т.е. классы существуют как социальные образования, «кристаллизующие» определенную комбинацию капиталов, при этом класс можно рассматривать как продукт индивидуальной деятельности (Savage, Warde, Devine 2005: 39).

Отказываясь от «капиталистической» терминологии, Хелспер предлагает коннотацию «ресурсов» как «вместилища» средств, которые можно использовать для достижения определенных *результатов* (Helsper 2021: 11). То есть ресурсы существуют не только в объективированном состоянии (то, чем мы владеем), их применение позволяет получить «видимые» результаты, социальные преимущества. В рамках подобной логики (ресурс как источник преимуществ) можно анализировать *третий уровень digital-неравенства*, для исследования которого предложено новое измерение digital-результатов, которое выявляет типы ресурсов/капиталов, получаемых людьми в онлайн-реальности и воплощаемых в офлайн-мире.

Такая концептуальная установка признает способность акторов мобилизовать ресурсы для достижения целей. Хелспер фокусируется на индивиде, обладающем ресурсами и осуществляющем позиционную борьбу в рамках социального пространства. Термин «ресурсы» позволяет Хелспер с опорой на возможностный подход исследовать неравенство в ходе использования web-технологий в повседневном контексте. Бурдье выделяет три формы капитала, однако, как отмечает Хелспер, упускает из виду частные сферы воспроизводства неравенства, поэтому исследовательница вводит в свою теоретическую модель категорию личных ресурсов (Helsper 2021: 22).

Аналитики, придерживающиеся теоретических интенций П. Бурдье в изучении цифрового разрыва, сталкиваются с разными методологическими трудностями, например со сложностью выявления границ поля, определения того, где заканчивается действие его эффектов (Grenfell 2008: 78–79). Сам Бурдье пишет о том, что поддержание порядка в поле предполагает институционализацию его границ. Соперничество агентов за доступ в поле неизбежно принимает форму борьбы за навязывание дефиниций условий принадлежности к полю, определяющих поле как таковое, и зачастую подобным дефинициям свойственна *семантическая расплывчатость* (Бурдье 2005: 379–380). Теория поля П. Бурдье обычно предполагает несколько уровней анализа: экспликацию позиции специфици-

ческого поля внутри поля власти, внутренней структуры специфического поля, габитуса занимающих позиции социальных агентов. К примеру, в ходе анализа образования исследовательская оптика может фокусироваться на полях власти, высшего образования, дисциплины, университета, факультета, школы.

Согласно Бурдьё, поле можно определить как сеть взаимодействующих социальных агентов, габитус которых представляет собой перенос объективных структур поля в субъективные структуры действий и мыслей. Бурдьёвистская трактовка поля как сети или конфигурации отношений между позициями кажется Э. Хелспер расплывчатой, порождает «аналитическую путаницу» (Helsper 2021: 15), когда в качестве поля могут выступать различные явления: страна, город, школа, мир в целом, семья и т.д. Иными словами, всеохватность пространственной метафоры осложняет процессы различения того, что же является «полем». В этой связи «поля» рассматриваются Хелспер в качестве отдельных сфер влияния в повседневной жизни, которые фреймируют индивидуальные действия (Helsper 2012: 404).

По Бурдьё, каждое поле продуцирует свою форму *illusio* и, действуя как пространство игры, предлагает систему объективных возможностей, в которой реализуются габитусы, но структура и эффекты поля как индивидуальной реальности, обладающей силой принуждения, ограничивают возможности и гамму выбора агентов (Бурдьё 2005: 140, 388, 401). При этом агенты могут быть заинтересованы в реализации своего репертуара шансов. В условиях слабо институционализированного поля индивид, достаточно независимый от ограничений структуры, в соответствии с габитусом и позицией может демонстрировать свободную игру (Бурдьё 2005: 398, 437). Агенты у Бурдьё не являются запрограммированными автоматами, скорее практики есть продукт *бессознательного отношения* между полем и габитусом, результат связи между позицией в поле (объемом и структурой капитала) и диспозициями (габитусом), так называемым соответствующим видением данной позиции, в рамках текущего состояния игры в социальном пространстве (поле). Формально Бурдьё резюмирует это соотношение в следующем уравнении: [(габитус)*(капитал)] + поле = практика (Grenfell 2008: 51).

Хелспер оценивает бурдьёвистскую формулу социальной практики как фиксированную и структурированную, когда устойчивость диспозиций габитуса указывает на то, что индивидам сложно изменить свое социальное положение. Однако в работах Бурдьё есть свидетельства способности агентов проектировать *траектории*, которые могут изменить социальную позицию и повлиять на социальные практики (McGillivray, Mahon 2021: 203).

И здесь вопрос состоит в том, насколько свобода маневра позволяет агенту трансформировать потенциально присутствующие в позициях возможности в устойчивые результаты? Согласно Бурдые, структуры власти и класса препятствуют подобной трансформации, что происходит вследствие формирования габитуса, способствующего интернализации классовых позиций в социальном пространстве. Габитус структурирован определенным *классом* условий производства (семейное воспитание, образовательный опыт и т.д.), продуцирует убеждения, представления, практики, лимитированные объективными обстоятельствами конструирования габитуса и в силу этого обретающие упорядоченность и понятность. Реакции и продукты габитуса выявляются вне расчета и соотнесения с *объективными возможностями* (Бурдые 2001: 103–106). Последнее обусловлено гомогенизацией классового габитуса, позволяющей в «типичных» обстоятельствах достигнуть предсказуемости, тождества практик представителей одного класса без обращения к сознательному размышлению о правилах или оценках результатов. Иными словами, Бурдые фокусируется на том, как организация различных полей позволяет агентам господствовать, как социальные системы иерархии сохраняются и воспроизводятся из поколения в поколение вне мощного сопротивления их участников.

Э. Хелспер же заимствует *интерсекциональный* подход из феминистских исследований (К. Креншоу) для изучения повседневных практик индивидов, направленных на воспроизведение или *сопротивление, оспаривание* социально-цифрового неравенства, т.е. политику неравенства *снизу вверх*. Теория интерсекциональности побуждает исследователей digital-технологий выходить за рамки «одноосной» модели изучения цифровой эксклюзии/ инклюзии (например, за пределы классовой модели неравенства), учитывать в своем анализе социальное позиционирование индивидов в рамках нескольких гегемоний, иерархий и систем власти (Zheng, Walsham 2021), интегрировать макрообъяснения с микроинтерпретациями неравенства путем анализа повседневных контекстов. При этом digital-неравенство характеризуется как относительное и *субъективное*, значимое для отдельных лиц (Helsper 2021: 8–9).

По сути, Э. Хелспер стремится выйти за пределы бурдьевистской трактовки неравенства как неравенства распределения ресурсов, дополняя теорию капитала П. Бурдые *возможностным подходом* А. Сена (Helsper 2021: 13), сосредоточенным на целях, свободах, способствующих достижению целей, а не на средствах (доходах, богатстве), многомерности предикторов (не)преимуществ, признании ценности свободы, экспланируемой как *возможность*, ведущая к обретению значимых *результатов*, желаемого образа жизни, к осуществлению того, что человек полагает ценным

(Сен 2004: 34, 73). В конечном итоге неравенство понимается Хелспер как *неравенство ресурсов и возможностей*, и модель корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии — это модель социально-цифрового неравенства в цифровых возможностях и результатах (Helsper 2021: 16, 180). При этом неравенство ресурсов нередко значительно отличается от неравенства достижений (Сен 2004: 114, 130). Так, Хелспер подчеркивает, что равенство цифровых возможностей (одинаковый доступ, навыки, использование) не ведет к равенству результатов (Helsper 2021: 181).

Возможностный подход расширяет спектр рассматриваемых форм неравенства, предлагает основу для изучения неэкономических ресурсов власти, показывает, что не всем неравенствам свойственно классовое измерение, фокусируется на горизонтальных дифференциациях. Возможности предпочтительнее ресурсов (доход) в качестве показателя благосостояния и качества жизни, поскольку ресурсы с разной скоростью конвертируются в индивидуальные преимущества в зависимости от личных и социальных обстоятельств (Burchardt, Hick 2018: 44; Сен 2004: 88–90). В соответствии с логикой подхода ресурсы могут быть преобразованы в возможности (свобода обретения благополучия), а затем в функции (значимые действия по достижению благополучия) (Сен 2004: 93). Идея Хелспер о необходимости внутренней мотивации к digital-взаимодействию коррелирует с возможностным подходом. Однако, в отличие от Сена, Хелспер постулирует необходимость нормативных дебатов в условиях, когда свобода выбора приводит к усилению неравенства, неиспользованию цифровых возможностей социально и экономически уязвимыми группами (Helsper 2021: 43).

Сен и Бурдые исследуют отношения между *agency* и *структурализмом* с целью концептуализации источников неравенства. Для Сена забота о возможностях — это, по сути, забота о свободе благополучия и свободе действий. Сен подчеркивает важность преимуществ, представляющих ограничения выбора людей, но недооценивает влияние социальных структур на продуцирование неравенства, транспонирование способностей в результат. Бурдые, в свою очередь, проблематизирует идею выбора, рассматривая свободу действий как частично социально сконструированную («габитус») и действующую в рамках социальных структур («полей»), которые ограничивают эту свободу действий и воспроизводят неравенства. В целом понятие «поля» Бурдые полезно для концептуализации *факторов конверсии* ресурсов, а затем возможностей в желаемое функционирование.

Возможностный подход имеет ряд ограничений: отсутствие четкого перечня возможностей, сложность экспликации (не)преимуществ, не

совпадающих с подробным списком ресурсов, нормативно определяемых элитой, нивелирование значимости структурного неравенства (Burchardt, Nick 2018). Поэтому экономические ресурсы вкпе с возможностями должны быть интегрированы в широкое понимание неравенства для разработки государственной политики по сокращению digital-разрыва (Сен 2004: 37, 100). При этом проблема неравенства решается путем предоставления возможностей и ресурсов для установления равенства результатов. Как показывает Хелспер, неравенство в результатах использования digital-технологий сохраняется между людьми из *разных слоев* общества при одинаковых уровнях индивидуальной мотивации, доступа, навыков и использования. Это означает, что обеспечение равенства цифровых возможностей необходимо, но недостаточно для смягчения социального разрыва. Интерсекциональная линза ориентирует на преодоление иных неравенств (Helsper 2021: 16, 185).

По Хелспер, поля эксклюзии существуют онлайн и офлайн, дифференцируются по характеру и объему имеющихся в них экономических, культурных, социальных и личных ресурсов. Индивиды имеют доступ к ресурсам, но необязательно ими владеют. Ресурсы в пределах одного поля более тесно связаны друг с другом, чем с ресурсами в других полях; связи между релевантными полями сильнее, чем между несоответствующими полями (Helsper 2012: 409, 416, 417). Аналитический конструкт Хелспер сфокусирован не на структуральных параметрах социальных систем, экспликации социальной структуры поля, в котором активируются ресурсы, в центре исследовательской оптики — ресурсы и индивид, встроенный в различные (пересекающиеся) поля, как «локус» (ключевая точка) концентрации ресурсов (Van Deursen, Helsper 2018: 2337). Каждому полю свойственна своя комбинация ресурсов, которые могут быть поразному задействованы в зависимости от контекста. Ресурсы не ограничены социальными структурами (ср. с экспликацией П. Бурдьё «габитуса» как продукта социальных полей, когда поле структурирует габитус), включают психологические ресурсы, которые отличны от экономических и культурных активов и не зависят от них. По Бурдьё, социальная идентичность предполагает право на легитимные возможности (Бурдьё 2005: 440). Э. Хелспер разрабатывает гибкую модель идентичности, объединяя личностные и психологические составляющие, концептуально дифференцируя их от социально сконструированных категорий класса, возраста, гендера, расы и т.д.

Поля обособлены, обладают автономной историей, детерминирующей правила и ставки, концептуально различны, но вместе с тем взаимосвязаны в силу лежащих в их основе властных структур, концентрирующих

(не)преимущества в социальных группах (Van Deursen, Helsper 2018: 2335). Вводятся в действие контекстуальные факторы (социально-экономические — на макроуровне, индивидуально-психологические — на микроуровне), дифференцируются публичные и частные поля влияния (Helsper 2012: 405).

Итак, действуют четыре поля онлайн-экслюзии, объединяющие экономические, культурные, социальные и личные ресурсы (Helsper 2012: 404–405). Низкий уровень экономических ресурсов офлайн-поля (доход, занятость, *образование*, доступ к финансовым услугам) приводит к бедности, безработице. Культурные ресурсы (возрастная, гендерная, этническая, религиозная идентичность) интерпретируются в разрезе принадлежности к определенным социокультурным группам. Накопление инкорпорированных культурных ресурсов связано с навыками социализации (Helsper 2021: 11). Индивиды, обладающие «правильным» набором культурных ресурсов, способны конструировать представления других о себе. В трактовке Э. Хелспер, придерживающейся интерпретации социального капитала Р. Патнэма (членство в общественных организациях, доверие социальным институтам), социальные ресурсы отражают степень включенности в сети социальных связей, которые дают доступ к знаниям и поддержке, формируют гражданское и политическое участие индивидов (Van Deursen, Helsper 2018: 2336). Личные ресурсы микроуровня включают интеллект, психологическое, физическое здоровье, благополучие человека, способности использовать новые возможности для решения проблем (Helsper 2021: 11, 29; Scheerder, van Deursen, van Dijk 2020).

Э. Хелспер выделила два типа причинно-следственных связей: от офлайн-полей социальной инклюзии к онлайн-полям digital-инклюзии, конституируемым посредниками социального воздействия (доступ, навыки, мотивация); от цифровых полей к офлайн-полям, определяемым проводниками digital-влияния (параметры цифрового взаимодействия: значимость/полезность, опыт, устойчивость, самостоятельность (автономность) — *agency*) (Helsper 2012: 411, 415). Именно здесь модель Э. Хелспер отличается от иных аналитических рамок, которые часто рассматривают посредников в качестве индикаторов цифровой инклюзии (доступ, навыки, мотивация), тем самым игнорируя ресурсы в различных полях digital-экслюзии (Helsper 2012: 410, 415).

Аналитические интенции Э. Гидденса, обнаружившего растворимость структуры в действии, воспроизведены Э. Хелспер в кодификации проводников влияния офлайн-поля на онлайн-поле экслюзии: доступ (*structure*), навыки (*structure*), мотивация к использованию ИКТ (отношение

к web-технологиям) (*agency*). Включение индивида в онлайн- и офлайн-поля эксклюзии осуществляется через промежуточные механизмы личностного поля (*agency*), позволяющего выявлять процессы индивидуализации социальной структуры, разные варианты digital-поведения, (не)использования web-ресурсов в сходных условиях. Апеллируя к «подходу с точки зрения возможностей» А. Сена, Хелспер указывает на свободу цифрового выбора (не)пользователя (*agency*) (Helsper 2008:19).

Оперируя категорией «личных ресурсов», Хелспер фиксирует расширение структуры возможностей пользователей, когда преимущества от применения web-технологий — это не просто результат внешних сил. Человек может проявлять свободу воли (Гидденс 2018), чтобы получить новые жизненные шансы независимо от социально-экономического и культурного бэкграунда (Helsper 2012: 409). Цифровое взаимодействие субъектов интегрирует макроэлементы социальных структур и микроуровни индивидуальных возможностей. Подобная аналитическая установка согласуется с концептом Э. Гидденса: человек обладает врожденной способностью преобразовывать внешнюю среду по своему усмотрению в определенных социальных контекстах, и он может воспользоваться новыми возможностями, которые улучшат его благополучие. В итоге модель Хелспер охватывает три измерения цифрового неравенства (доступ, IT-компетенции, результаты), теоретическая линза направлена на digital-дивиденды, получаемые пользователями в ходе эксплуатации web-технологий в офлайн-поле, при этом подчеркивается прозрачность границ между офлайн- и онлайн-пространством (Helsper 2012: 410).

Именно теория структуризации Гидденса (а не концепт Бурдьё) позволяет Хелспер обосновать, что digital-неравенство может *трансформироваться* в результате действия, реализуемого в рамках структуральных ограничений, в контексте давления/принуждения социальных структур (Helsper 2021: 16). По сути, использование цифровых технологий — это *рефлексивное усилие* (Livingstone, Helsper 2007), которое зависит от социотехнических структур и субъективной интерпретации пользователей, способностей индивидов использовать технологические возможности. Это согласуется с концептом структуризации, в соответствии с которым структура воплощена в когнитивных импринтах акторов, является продуктом деятельности субъектов, средством и результатом воспроизводства социальных практик, отпечатком памяти в сознании людей. Э. Гидденс подчеркивает, что деятельность коррелирует со способностью актора изменить ситуацию (Гидденс 2018: 56). Стратификационная модель деятеля (рефлексивный мониторинг, рационализация и мотивация повседневного поведения) предоставляет аналитическую линзу для понимания

действий индивида, который может повлиять на трансформацию социальных структур (Гидденс 2018: 43–45). Если заменить структуру цифровым неравенством, то неравенство будет движущей силой и результатом мыслей, действий индивидов.

Концепт структуриации предлагает три типа знаний агентов: *дискурсивное сознание* (речевые практики / высказывания акторов об условиях деятельности), *практическое сознание* (осведомленность субъектов о социальных условиях и правилах поведения в различных ситуациях), *бессознательное познание* (Jones, Karsten 2008: 133). Как отмечает Хелспер, агенты полагаются на знание структур, чтобы способствовать стабильному воспроизводству социальных систем либо противостоять структурам (Helsper 2021: 17). Цифровое неравенство продолжает существовать постольку, поскольку индивиды его поддерживают под влиянием «натурализующих» публичных дискурсов, руководствуясь адаптивными предпочтениями. Идея концепта структуриации о наличии преднамеренных/непреднамеренных последствий действий вооружает Хелспер инструментом анализа третьего уровня digital-неравенства в результатах. По Гидденсу, три модальности служат артикулированию взаимодействия и структуры: интерпретативные схемы, нормативные элементы и ресурсы (Гидденс 2018: 77). Структура ограничивает действия людей, влияя на уровень компетентности деятелей, характер «постижения» акторами свойств окружающих социальных систем, условий системного производства/воспроизводства (Гидденс 2018: 149–151). В определенной ситуации осведомленные агенты проявляют способность понимать социальные условия деятельности, воспринимают структуры через их свойства, инициируют социальные практики, реализуют свободу воли.

Теория структуриации проникнута оптимистическим реализмом: структура — это не только ограничение действия, но и предоставление возможностей индивидам для конструирования «позитивного ощущения себя» (Гидденс 2018: 70, 183, 239, 247). Иными словами, структура взаимодействует с действием, делая возможными социальные изменения.

Теория структуриации Гидденса не дает аналитического понимания того, как могут быть оспорены практики и нормы индивидами. Растворимость структуры в действии затрудняет исследование неравенства как последовательного процесса, понимание того, в каких случаях индивиды способны изменить систему: либо структура как «распределение ресурсов по определенным правилам» предшествует действию, либо агенты, взаимодействующие со структурой, трансформируют систему. «Дуальность структуры» «колеблется» между *гиперактивностью действия*,

следствием которой является изменчивость общества, и *жесткой когерентностью структуральных свойств*, подразумевающей рекурсивность социальной жизни (Archer 2010: 229). Подобное «колебание» происходит из-за того, что Гидденс не дает ответа на вопросы: когда акторы могут трансформировать социальные условия (что предполагает указание степеней свободы) либо когда индивиды оказываются в ловушке репликации (что включает определение строгости ограничений) (Archer 2010: 231). Кроме того, не все агенты или структуры одинаковы, способность принимать независимые добровольные решения распределяется неравномерно.

В целом к достоинствам модели Э. Хелспер следует отнести фокусировку на ресурсах полей эксклюзии, учет влияния структуры и агенсу на социально-цифровое неравенство, использование параметра устойчивости digital-взаимодействия для оценки степени относительности инклюзии/эксклюзии, удобство операционализации модели в прикладных исследованиях. Модель не предполагает единой формы цифровой инклюзии и придерживается нормативной позиции, согласно которой взаимодействие с одним типом цифровых ресурсов не должно оцениваться выше, чем интеракция с другим (Helsper 2012: 410), не включает субъективные интерпретации и оценки индивидов собственного уровня digital-инклюзии, ориентирована на объективное исследование цифрового неравенства.

Модель содержит заранее определенное нормативное предположение о том, как должна выглядеть digital-инклюзия (культурное и политическое участие интерпретируются как норма), предлагает прямую «автоматическую» корреляцию полей эксклюзии: поля офлайн-ресурсов влияют прежде всего на соответствующие поля цифровых ресурсов (Helsper 2012: 411, 416). В этом смысле модель консервативна, поскольку предполагает, что отсутствие одного офлайн-актива приведет к недостатку релевантного digital-ресурса, что свидетельствует о самовоспроизводящемся цикле эксклюзии. Кроме того, «автоматическая» механическая связь между онлайн-полем и релевантным офлайн-полем влечет риск игнорирования или недооценки того, как различные поля взаимосвязаны и влияют друг на друга. Впрочем, как отмечает сама Хелспер, включение посредников между полями позволяет выдвигать гипотезы об исключениях/изменениях (Helsper 2012: 418), когда, например, социально и экономически благополучные группы не используют web-технологии. Появляются прикладные исследования взаимосвязи между низкостатусными группами и социальной инклюзией через призму достигнутых результатов цифровых взаимодействий (Eynon 2023; Ragnedda, Ruiu, Addeo 2022).

**И. Мариен, Л. Ван Оденхоув, А. Асмар:
модель континуума цифрового и социального неравенства,
профилирования цифровых (ин)экслюзантов**

Бельгийские исследователи разработали концептуальную модель цифрового неравенства, эксплицируя digital-неравенство как *континуум позиций*, индивидуальных реакций цифровых инклюзантов и экслюзантов на ситуацию неравномерного распределения онлайн-ресурсов (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022). Модель позволяет выявить степень, в которой различные (не)пользователи подвержены механизмам цифровой инклюзии/экслюзии. Авторы предложили *восемь профилей* цифрового неравенства с учетом социальных и цифровых предикторов digital-разрыва.

Модель континуума цифрового неравенства разрабатывалась в три этапа: выявление детерминант неравенства и соответствующих факторов риска экслюзии; установление прямых и косвенных причинно-следственных связей между цифровой и социальной изоляцией; переход от бинарной оппозиции цифровых экслюзантов/инклюзантов к идее цифрового неравенства как континуума, вдоль которого расположены (не)пользователи в соответствии с уровнем ресурсов и воздействием факторов риска экслюзии.

Исследовательская интенция авторов состоит в том, что взаимосвязь между социальным и цифровым неравенством не всегда однозначна: социально и экономически уязвимые группы могут быть интегрированы в digital-среду, а социально благополучные группы в равной степени исключены из цифрового общества (Anrijs, Mariën, De Marez, Ponnet 2023: 2). Стигматизация определенных социальных групп как уязвимых к процессам диджитализации продуцирует мифический конструкт о том, что население с социальным/экономическим капиталом успешно интегрировано в цифровое общество. Подобный подход не позволяет сфокусироваться на различиях внутри «онлайн-включенных» групп, потенциально подвергающих пользователей риску «быть исключенными» из digital-среды.

Авторы исходят из того, что индивиды равны в ситуации неопределенности и риска, однако вследствие обладания различным объемом активов (личных, социальных, экономических, политических, культурных) по-разному преодолевают состояние уязвимости и ущемленности (Mariën, Baelden 2015: 7). Типологизация ресурсов инклюзии осуществлялась с опорой на концепты П. Бурдые и Э. Хелспер (Бурдые 2001; Grenfell 2008; Helsper 2021).

Итак, существуют пять типов ресурсов, позволяющих объяснить констелляцию социальной и digital-инклюзии/экссклюзии (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 286). Концептуализация личных, культурных, экономических ресурсов в целом совпадает с трактовкой Э. Хелспер (табл. 1).

Таблица 1

Типологизация ресурсов (не)пользователей

Тип ресурса	Модель И. Мариен, Л. Ван Оденхоува, А. Асмар	Модель Э. Хелспер	Концепт П. Бурдые
1	2	3	4
Личные	Индивидуальные качества, влияющие на способность человека применять цифровые технологии, а также обуславливающие его социальный статус (физическое и психическое здоровье, благополучие, личные ценности и установки, коммуникативные, когнитивные, мягкие навыки)	Физическое и психическое здоровье, благополучие, интеллект, способность использовать новые возможности для решения проблем, интересы (хобби, досуг), самореализация	–
Социальные	Включенность индивида в общество, социальные сети (состав семьи, сети социальной поддержки, социальные нормы)	Включенность индивида в социальные сети, политическое участие, взаимодействие с общественными организациями, семейное положение, чувство принадлежности к сообществу, удовлетворенность отношениями	Социальные обязательства, связи, принадлежность к группе
Культурные	Обусловлены персональным культурным бэкграундом индивида, полом, возрастом,	Идентичности (возрастная, гендерная, расовая, религиозная); принадлеж-	Существует в трех состояниях: инкорпорированном (языковая компетент-

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
	этнической принадлежностью, грамотностью, культурными практиками и нормами	ность к социокультурным группам; вкус, ценности, нормы (символический капитал)	ность, манеры, культурные знания, ценности, уравнивание, вкус, стремление к признанию отличий и т.д.), объективированном (физическое владение культурными благами, картинами, книгами, скульптурами и т.д.) и институционализированном (образование; профессиональная сертификация; официальные степени, дипломы, выдаваемые образовательными учреждениями). Культурный капитал связывает институты, культурные произведения и отдельных агентов
Экономические	Активы, влияющие на финансовое положение индивида (занятость, доход, образование, профессиональная подготовка, финансовые навыки, экономические возможности)	Доход, занятость, образование, информационные и обучающие digital-ресурсы, дистанционное обучение, доступ к финансовым услугам	Денежные, финансовые ресурсы, ответственность
Политические	Участие в процессе принятия политико-управленческих решений, нормативная база, регуляторная политика, инфраструктура госуслуг, социальные	Входят в состав социальных ресурсов	Символический капитал в сфере политики, тип капитала, за который конкурируют агенты, вовлеченные в данную сферу; власть поли-

Окончание табл. 1

1	2	3	4
	права (система социального обеспечения и здравоохранения), социально-пространственное неравенство (жилищные условия, транспортная доступность, уровень преступности), <i>agency</i> (возможность свободно осуществлять выбор, в т.ч. цифровой, способность принимать самостоятельные решения, выявлять потребность и быть независимым)		тиков, проистекающая из доверия и символического признания, которые оказывают им последователи; два вида политического капитала: личный и делегированный
Символические	—	Вкус, ценности, нормы, входят в состав культурных ресурсов, сходны с инкорпорированным культурным капиталом П. Бурдьё	Воспринимаемые уровни статуса, престижа и авторитета, которыми обладают люди

В модели корреляции онлайн- и офлайн-полей эксклюзии политические активы встроены в социальные (Helsper 2012: 408); в модели континуума digital-разрыва фиксируется дифференциация социальных (семья, социальные поддержка и нормы) и политических (*участие* в процессе принятия политико-управленческих решений, *регуляторная политика*, инфраструктура госуслуг, социальные права, социально-пространственные возможности) ресурсов. Операционализация последних активов, по мнению И. Мариен и соавторов, позволяет выявить влияние социополитических *структур* на *agency* пользователя. В модели британской исследовательницы *agency* входит в структуру личных ресурсов. В отличие от аналитической фокусировки Э. Хелспер на офлайн и digital-полях, бельгийские эксперты более детально изучают связи между ресурсами.

В отличие от П. Бурдьё, бельгийские авторы, опираясь на подход Э. Хелспер, относят образование к экономическому ресурсу (ин)экслюзантов. В рамках бурдьёвистского концепта культурного воспроизводства образование, будучи *институционализированной* формой культурного капитала, способствует легитимации и продвижению системы ценностей, дискурса господствующего класса в условиях селективной элитарной модели обучения. Бурдьё позиционирует систему образования как проводника *символического насилия*, которое служит поддержанию статус-кво. Изучая классовую повседневную практику во Франции, Бурдьё показал, что *культурный капитал* является ключевым механизмом, посредством которого воспроизводится социальное и *образовательное* неравенство. Дети элитного класса наследуют от своих семей больший объем культурного капитала, чем дети из других классов, что, в свою очередь, помогает им получить высшее образование, продемонстрировать лучшие успехи в дальнейшей трудовой биографии. Британская исследовательница Э. Хелспер, отказываясь от «классовых» трактовок происхождения неравенства, придерживаясь возможностного подхода, обосновывает свою позицию тем, что интерпретация образования как экономического ресурса закреплена в международных документах. Кроме того, формальное образование способствует занятости и получению более высокого дохода. В менее социально иерархичных комплексных образовательных системах знания, навыки рассматриваются в первую очередь как экономический ресурс (Helsper 2021: 10). По сути, интерпретация Хелспер задана спецификой англосаксонской образовательной модели, которая придерживается инструментального подхода к образованию, отдавая приоритет развитию человеческого капитала как совокупности инвестиций в личные навыки и способности с целью получения прибыли, увеличивающей индивидуальное благосостояние наряду с общей экономической производительностью.

Интерпретация культурных ресурсов в моделях взаимосвязана с бурдьёвистским концептом *инкорпорированного* культурного капитала, который предполагает наличие правильных хобби, идеологических взглядов, пользующихся уважением в среде влиятельных людей, потребление определенных благ (Grenfell 2008: 106), т.е. нормы, ценности, виды деятельности, усвоенные в ходе социализации. Приобретение инкорпорированного культурного капитала тождественно формированию габитуса. В сетевом обществе цифровой габитус репрезентирует (помогает конструировать) социальный статус индивида, являющегося/стремящегося стать лидером мнений, влиятельным лицом (Merisalo, Makkonen 2022: 237). Кроме того, пользователь может демонстрировать включенность

в сообщества, потребление web-услуг/товаров и подобным образом реализовывать и усиливать свою позицию в глазах «других». В модели Э. Хелспер, основывающейся на теории *интерсекциональности*, культурные ресурсы определяют поведение внутри группы и придают смысл принадлежности к определенным сообществам. В состав ресурсов входят *идентичности* (возрастная, гендерная, расовая, религиозная) и *символический капитал* (вкусы, ценности, нормы), к примеру отраженный в digital-контенте, продуцируемом пользователями (Helsper 2021: 154). Подобная операционализация культурных ресурсов позволяет исследовать, как гендер, возраст, религия, этничность, престиж/авторитет, вкусы воспроизводят социально-цифровое неравенство в создании, продвижении и потреблении онлайн-контента (Helsper 2021: 153–154). Маргинализированные группы, подвергающиеся дискриминации, испытывающие трудности с идентификацией, с низким объемом символического капитала, обладают меньшим уровнем digital-ресурсов, способствующих успешным практикам самопрезентации и получению положительного признания «других» в цифровом обществе. В итоге ощутимые цифровые результаты будут связаны с обретением уважения, популярности и известности в digital-мире, чувства принадлежности к сетевым комьюнити. По Бурдье, символический капитал обозначает любую форму капитала, обладающую легитимным признанием, репутацией в рамках социального поля. Это также способность к продуцированию мнений и навязыванию оценок различных ресурсов иным агентам, к примеру, оценивание digital-контента в сетевом обществе. Идентичности могут выступать знаками социального престижа, и в этом смысле культурные ресурсы в аналитическом конструкте Э. Хелспер становятся разновидностью символического капитала в бурдьевистской интерпретации. В бельгийской модели посредством культурных ресурсов также выявляются практики использования digital-технологий, обусловленные полом, возрастом, этничностью, языком/грамотностью, культурными нормами (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 290–291).

Каждому типу ресурсов соответствует свой набор факторов риска, приводящих к состоянию социальной и цифровой эксклюзии (Mariën, Heuman, Saleminck, Van Audenhove 2016: 55). В ходе исследования динамического взаимодействия факторов риска, релевантных определенным типам ресурсов, была установлена *прямая* и *косвенная* корреляция цифровой и социальной эксклюзии, что имело следствием разработку расширенной классификации детерминант изоляции (Mariën 2015: 149). Так, к факторам риска, фиксирующим *косвенную* причинно-следственную связь между цифровой и социальной эксклюзией, отнесены нормативно-

правовая база, инфраструктура государственных услуг, социальные права, физическое и психическое здоровье. *Прямая* ковариация социальной и цифровой эксклюзии реализуется в двух формах: механизмы социальной эксклюзии действуют на digital-уровне либо, наоборот, предикторы цифровой изоляции усиливают социальную эксклюзию. В число факторов, непосредственно способствующих транспонированию механизмов социальной изоляции в цифровое пространство, входят когнитивные и социальные навыки; занятость, доход; сети социальной поддержки; социально-пространственное неравенство, агенту, участие в деятельности структур, принимающих решение; язык, образование. К детерминантам риска социальной эксклюзии, возникающей под воздействием digital-механизмов, относятся ценности, установки; финансовые навыки, экономические возможности; социальные нормы; нормативно-правовая база, инфраструктура государственных услуг; возраст, пол (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 297).

Идея digital-неравенства как *континуума*, вдоль которого расположены пользователи в зависимости от специфики применения web-ресурсов, социально-экономического положения, а также идея *градаций* digital-инклюзии, отражающих поэтапность в освоении онлайн-практик, предложены С. Ливингстон и Э. Хелспер (Livingstone, Helsper 2007). Эвристический потенциал континуального подхода позволил бельгийским авторам преодолеть интерпретацию digital-эксклюзии как «улицы с односторонним движением», деривата социодемографического бэкграунда граждан. Апеллируя к научной оптике Д. Милибэнда (Miliband 2006), совместимой с концептами П. Бурдьё и Э. Хелспер, исследователи предложили свою экспланацию континуумов цифрового и социального неравенства. Континуальная линза задействована в силу аналитического различения неравенства, понимаемого как широкий спектр различных позиций в социальном/цифровом пространстве, охватывающий различные уровни доступа и навыков, не являющийся двухполюсным явлением, и градаций эксклюзии/инклюзии как отдельных «точек» на шкале от интеграции до изоляции (Mariën 2015: 30–35).

В итоге каждому типу неравенства соответствовал свой континуум, представленный в виде своеобразной шкалы, крайние значения которой составляют глубокая эксклюзия и глубокая инклюзия. Между указанными позициями находятся соответственно широкая эксклюзия, концентрированная эксклюзия/инклюзия, широкая инклюзия (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 299). В основе концепта — идея *непрерывного перехода* лиц, групп от изоляции к интеграции. В этом аналитическом ракурсе градации цифровой инклюзии/эксклюзии выявляются не столько через

призму трехуровневого членения цифрового неравенства (доступ — навыки — преимущества), а посредством артикулирования *динамичной* природы механизмов включения/исключения.

Исследователи сузили выборку детерминант социального и цифрового неравенства. Профилирование (не)пользователей осуществлялось с учетом пяти социальных факторов (доход, образование, участие в различных сферах жизни, agency / свобода действий, благополучие) и восемью цифровых предикторов (доступ, отношение к web-технологиям / мотивация, цифровые компетенции, социальные и «мягкие» навыки, цифровая культура семьи, коллег, друзей, знакомых, digital-автономия, паттерны применения web-технологий, социальная поддержка) digital-разрыва (табл. 2) (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2020: 30–31). Цифровая автономия субъективна, так как подразумевает ощущение самоэффективности, независимости в использовании технологий, реляционна и социальна, поскольку развивается в ходе «интеракции с другими», кроме того, интерпретируется как способности и *возможности* осуществлять желаемый выбор (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2020: 63–65).

Таблица 2

Детерминанты цифровой (экс)инклюзии

Социальные факторы	Описание факторов
Доход	Факторы, влияющие на финансовую устойчивость и независимость индивида
Образование	Факторы, влияющие на уровень образования человека (когнитивные компетенции, возможность принимать участие в формальных и неформальных образовательных тренингах)
Участие в различных сферах жизни общества	Факторы, влияющие на то, в какой степени индивид может или желает участвовать в жизни общества (образ жизни, характеристики рынка труда, социальные контакты)
Agency / свобода действий	Факторы, влияющие на то, в какой степени человек обладает властью принимать решения, чтобы направлять свою жизнь
Благополучие	Факторы, влияющие на физическое и психическое благополучие людей (здоровье, медицинские учреждения, ситуация в отношениях и т.д.)

Окончание табл. 2

Digital-факторы	Описание факторов
Доступ	Факторы, влияющие на возможность доступа к цифровым медиа
Мотивация использования web-технологий	Факторы, влияющие на отношение к цифровым медиа, такие как личные характеристики (например, возраст, пол, раса/этничность), культурные и социальные нормы, личные ценности
Цифровые навыки	Факторы, влияющие на развитие IT-компетенций
Социальные и мягкие навыки	Факторы, влияющие на то, как люди взаимодействуют друг с другом, такие как коммуникабельность, уверенность в себе, самомотивация, креативность
Digital-автономия	Факторы, влияющие на степень автономности/самостоятельности использования цифровых медиа, применения digital-инструментов по принципу do it yourself
Паттерны применения web-технологий	Индивидуальные предпочтения, влияющие на разнообразие, направленность и частоту использования интернета (например, распорядок дня, специфика повседневности, возраст или культурно обусловленные модели медийного потребления)
Отношение к digital-медиа в ближайшем окружении	Влияние ближайшего окружения на отношение индивида к технологиям, уровень его навыков или наличие/отсутствие доступа к Сети (например, состав семьи, негативное/положительное восприятие ИКТ членами семьи/друзьями, коллегами, цифровая культура семьи)
Сети социальной поддержки	Факторы, влияющие на степень удовлетворения потребности индивидов в поддержке со стороны ближайшего окружения в освоении IT-технологий

Континуальность digital-неравенства позволила выделить восемь профилей (не)пользователей: цифровые изгои, «безнадежно нецифровые», борцы с цифровыми барьерами, «широко онлайн-включенные», цифровые звезды, неожиданные digital-мастера, неожиданные цифровые аутсайдеры, digital-отшельники («цифровые самоизоляторы») (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 301–305).

Пять профилей в левой части континуума (табл. 3) олицетворяют *прямую* корреляцию между социальной и цифровой эксклюзией (Asmar, Mariën, Van Audenhove 2022: 299). Для цифровых изгоев, «безнадежно нецифровых» и digital-борцов механизмы социального исключения ведут к online-

экслюзии. Представители первых двух профилей сталкиваются с множеством социальных барьеров, которые усугубляются в digital-поле. Цифровые изгои находятся в ситуации глубокой социальной и цифровой экслюзии, в силу низкой самооценки не могут самостоятельно без неформальной поддержки ближайшего окружения преодолеть структурные барьеры интеграции в социум; «безнадежно нецифровые» («им приходится двигаться вперед, но они не справляются») переживают широкую, а «цифровые борцы» (высокомотивированные [*но борющиеся*]), поскольку стремятся успеть за быстрыми темпами digital-эволюции) — концентрированную социальную изоляцию (Mariën, Baelden 2015: 26–28). «Безнадежно нецифровые» редко используют digital-технологии в служебных целях, живут в «бедной» медиасреде, воспринимают применение web-ресурсов как обязанность; при наличии эффективной digital-поддержки могут стать «широко онлайн-включенными». Профиль «цифровых борцов» представлен двумя типами эксклюзивантов: первые стараются решить проблемы с доступом, нехваткой digital-компетенций и неуверенностью в себе, при этом им свойственно стремление осуществлять онлайн-практики; вторые, владельцы качественного IT-оборудования с высокой мотивацией, преодолевают пробелы цифровой грамотности, полагаясь на помощь более компетентных пользователей, в противном случае рискуют стать «безнадежно нецифровыми».

Напротив, «широко онлайн-включенные» и цифровые звезды могут воспользоваться преимуществами социальной инклюзии на цифровом уровне. В отличие от «цифровых звезд», у «широко онлайн-включенных» — *средние* (а не *высокие*) показатели благополучия, агенсу, низкая либо средняя мотивация к внедрению web-технологий, *функциональное* использование цифровых ресурсов исходя из повседневных нужд (а не *разнообразное, творческое, стратегическое* как у digital-звезд). Подобные пользователи легко решают проблемы, но могут обрести статус online-эксклюзиванта в силу конкретных жизненных обстоятельств (например, потери работы, рождения ребенка, смерти супруга и т.д.), предлагают digital-поддержку другим индивидам (кстати, цифровым звездам не всегда нравится брать на себя роль online-ментора в силу затратности временного ресурса; они могут регрессировать в своей digital-автономии, утратить доступ к Сети, мотивацию к обучению).

Три профиля в правой части континуума (табл. 3) (неожиданные digital-мастера, непредвиденные цифровые аутсайдеры, «цифровые самоизолированные») иллюстрируют *косвенную* связь между социальной и цифровой изоляцией, относятся к разным социально-экономическим группам (например, пожилым или высокообразованным), их социальные и/или онлайн-преимущества не связаны с социальным/цифровым статусом.

Таблица 3

Восемь профилей цифрового неравенства

	Цифровые изгои	«Безнадежно нецифровые»	Борцы с цифровыми барьерами	«Широко онлайн-включенные»	Цифровые звезды	Неожиданные цифровые аутсайдеры	Digital-отшельники («цифровые самоизоляция»)»
Континуум социального неравенства							
Факторы риска	Глубокая социальная эксклюзия	Широкая социальная эксклюзия	Концентрированная социальная эксклюзия/инклюзия	Широкая социальная инклюзия	Глубокая социальная инклюзия	За пределами социальной эксклюзии	
Доход	Низкий	Низкий→средний	Небольшое число конкретных барьеров, отсутствуют с остальными аспектами, присутствует участие в жизни общества	Средний → высокий	Высокий	Присутствуют во всех социальных группах	
Образование	Низкий уровень	Низкий→средний		Средний → высокий	Высокий		
Участие в различных сферах жизни общества	Низкий уровень	Ограниченное		Среднее → высокое	Высокое	Низкое → высокое	Высокое
Авессу/свобода действий	Низкий уровень	Низкий уровень		Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень
Благополучие	Низкое	Низкое		Среднее	Высокое	Высокое	Высокое

Континuum цифрового неравенства									
	Глубокая цифровая эксклюзия	Широкая цифровая эксклюзия	Широкая цифровая эксклюзия	Концентрированная цифровая эксклюзия/ инклюзия	Широкая цифровая инклюзия	Глубокая цифровая инклюзия	Концентриро- ванная цифровая инклюзия	От широкой до глубокой цифровой эксклюзии	Цифровая эксклюзия по выбору
Доступ	Низкий	Средний	Средний	Небольшое число кон- кретных барьеров, от- сутствуют проблемы с основными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Высокий	Высокий	Небольшое количество конкретных барьеров, отсутствуют проблемы	Средний→ высокий	Средний→ высокий
Мотивация использования web-технологий	Низкая→ высокая	Средняя→ высокая	Высокая	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Низкая→ средняя	Высокая	барьеров, отсутствуют проблемы	Низкая	Низкая
Цифровые компетенции	Низкие	Средние	Низкие→ средние	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Средние→ высокие	Высокий уровень	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Низкие	Средние→ высокие
Социальные и «мягкие» навыки	Низкий уровень	Низкий	Низкий	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Средний→ высокий	Высокий уровень	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Низкий	Высокий уровень
Digital-автономия	Низкая	Низкая	Низкая	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Средняя→ высокая	Высокий уровень	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Низкая	Низкая
Паттерны применения web-технологий	Ограничен- ные	Ограни- ченные	Ограни- ченные	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Функцио- нальные	Разноо- бразные, креатив- ные и стратеги- ческие	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Отсутствуют	Отсутствуют
Отношение к медиа в ближайшем окружении	Низкий уровень	Низкий	Низкий	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Средний→ высокий	Высокий уровень	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Средний→ высокий	Средний→ высокий
Сети социальной поддержки (семья, друзья, коллеги)	Отсутству- ют, необходимы	Отсут- ствуют, необходи- мы	Есть, но ограниче- ны	с остальными аспек- тами, есть паттерны использования web- технологий, в неко- торых случаях не представлены сети поддержки	Есть, необходи- мы	Есть, необходи- мы, сами ока- зывают поддержку, уси- ление ресурсного эффек- та	с остальными аспектами, есть паттерны использования технологий, высокий уровень мотивации и автономии.	Присутству- ют, необходи- мы, но не ис- пользуются	Присутству- ют, необходи- мы, знают, как получить поддержку

Профиль «неожиданные digital-мастера» свидетельствует о том, что некоторые представители неблагополучных групп являются частью digital-реальности (Mariën 2015: 354). Профилю свойственен высокий уровень agency, мотивации и digital-автономии, эксперименты с технологиями, самостоятельное развитие digital-навыков, цифровое наставничество, однако, как правило, они находятся в ситуации социальной эксклюзии (низкий уровень дохода, образования, безработица). Эти пользователи отличаются от своих сверстников, помогают им в освоении технологий, используют общедоступные сети wi-fi, самостоятельно развивают свою цифровую грамотность. Индивидуальное отношение к технологиям прогнозирует их использование, а также формирует восприятие выгод от применения web-ресурсов.

Цифровые отшельники, digital-самоизоляторы обладают доступом к сети, IT-компетенциями, но *не видят пользы, сознательно отказываются* от применения digital-сервисов, не рассматривают их неиспользование как проблему, полностью игнорируют цифровой мир, онлайн-услуги получают с помощью других пользователей, в случае потери digital-поддержки рискуют оказаться в online-изоляции (Mariën, Baelden 2015: 25). Неожиданные цифровые аутсайдеры интегрированы в социум, встречаются в различных социальных группах, ими могут быть в том числе представители среднего класса, молодежь, люди с высшим образованием; профиль характеризуется низкими показателями agency, мотивации, цифровых компетенций, мягких навыков, digital-автономии, отсутствием паттернов применения онлайн-инструментов. Несмотря на наличие сетей поддержки, аутсайдеры обычно избегают технологий; в отличие от своих сверстников испытывают проблемы в ходе использования digital-медиа.

Динамичность и континуальность модели фиксирует изменчивость позиций индивидов в континууме под влиянием различных событий (увольнение с работы, рождение детей, семейные трудности и т.д.), применимость характеристик нескольких профилей к отдельным пользователям, процессуальную природу цифровых интеграции и изоляции. В целом модель показывает, что действие механизмов социальной и digital-эксклюзии выходит за пределы социально и экономически уязвимых групп и не сводится исключительно к влиянию социально-демографических предикторов. Поэтому публичные инициативы по охвату населения цифровыми технологиями должны избегать стереотипной ориентации и фокусироваться *на все группы* граждан, обладающие низким, так и высоким уровнем социально-экономических ресурсов.

Заключение

Современные исследователи стали использовать социологическую теорию в качестве основы для конструирования моделей цифрового неравенства, включая концепт структуризации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, морфогенетический подход М. Арчер, возможностный подход А. Сена, интерсекциональную теорию К. Креншоу, классификацию эксклюзии Д. Милибэнда, не ограничиваясь одной методологической интенцией, комбинируя социально-экономические, психологические и цифровые предикторы digital-разрыва.

Идея П. Бурдьё о пересечении полей позволяет Э. Хелспер теоретически обосновать ковариацию социальной и digital-эксклюзии, которая проявляется прежде всего как связь между релевантными полями офлайн-новых и цифровых ресурсов (Helsper 2021: 39). Бурдьёвистский концепт «поля» предлагает основу, которая может объяснить фактические результаты онлайн-действий в повседневной жизни агента. Экспликация ресурсов как набора средств, приносящих дивиденды, вооружает Э. Хелспер инструментом анализа трех уровней digital-неравенства.

Аналитическая оптика и логика теории структуризации, концепта «поля» предоставляет возможность Хелспер для альтернативного определения пространственной метафоры, интерпретации онлайн-активности как социальной практики, являющейся результатом взаимодействия социальных структур и действия (agency), фокусировки на микроуровневых процессах воспроизводства и оспаривания неравенства в повседневных практиках, дискурсах и взаимодействиях индивидов. Из теории структуризации Хелспер заимствует идею о том, что повседневность — это пространство, в котором структура и действие интегрируются, чтобы формировать действие, бездействие, возможности и ограничения.

Теория структуризации создает основу понимания того, как социальные структуры и возможности отдельных лиц определяют различные уровни digital-результатов. В контексте внедрения digital-технологий взаимодействие между структурными свойствами (например, типами доступа) и действием индивида (мотивацией, навыками) может обеспечить альтернативную основу для изучения цифрового неравенства, эксклюзии и инклюзии.

Представители возможностного подхода фокусируются на том, как ресурсы и благополучие создаются *снизу вверх*, есть ли у индивида реальная возможность достичь желаемого образа жизни. Интеграция концептуальных инструментов П. Бурдьё и А. Сена позволяет исследователям осмыслить, что цифровые возможности и социальные дивиденды цифро-

визации оказываются неравными для различных людей, а неравенство может усиливаться неравномерной конверсией возможностей в результаты. Подход Сена концентрируется на *возможностях* или *способностях* в случае необходимости использовать web-сервисы, а не на *применении digital-услуг* или *получении* ощутимых результатов онлайн-деятельности (Anrijs, Mariën, De Marez, Ponnet 2023: 3). В этом аналитическом ракурсе индивид, считающий себя способным пользоваться digital-технологиями, достигнуть положительных результатов с помощью цифровых ресурсов, но (пока) не сделавший этого, поскольку на текущий момент не нуждается и не испытывает потребности в онлайн-активности, по-прежнему считается цифровым инклюдантом. Конечно, следует учитывать определенные сложности субъективного оценивания возможностей, когда индивиды самостоятельно сообщают о своих способностях удовлетворять потребности с помощью digital-ресурсов. В целом аналитическая линза возможностного подхода дает основания выяснить, *могут ли* индивиды применять web-услуги для удовлетворения потребностей, а не *использовали ли* или *получили выгоды* от внедрения digital-ресурсов.

Модель профилирования цифровых (ин)экслюдантов основывается на модели социально-цифрового неравенства цифровых возможностей и результатов. Оба концептуальных конструкта подчеркивают совместное действие цифровых и социальных факторов в механизмах эксклюзии и инклюдии: однако, Хелспер выделяет семь *посредников* взаимного влияния онлайн и офлайн *полей*, Мариён и коллеги указывают на 13 *индикаторов* риска социальной и digital-экссклюзии, распределенных по *пяти* типам ресурсов. В отличие от Хелспер, бельгийские исследователи указывают на то, что корреляция между социальным и цифровым неравенством не всегда прямолинейна, дополнительно выделяя *косвенные* причинно-следственные связи между факторами риска эксклюзий.

Несмотря на различия в моделях, в их основе лежат родственные идеи: корреляция социального и цифрового неравенства; выделение социально-экономических и цифровых предикторов или посредников ковариации двух типов эксклюзии; теоретизирование различий в мотивации, доступе, навыках как *ресурсов*, а цифровых дивидендов как *результатов* digital-инклюдии. Анализируемые концептуальные конструкты социального и цифрового неравенства демонстрируют продуктивные эмпирические возможности в экспликации третьего уровня цифрового разрыва или исследовании индивидов, обладающих способностями или *возможностями* достигнуть положительных *результатов*, ощутимых преимуществ, офлайн-выгоды в ходе использования интернет-услуг, связанных с финансами, здравоохранением, жильем, социальным обеспечением и мобильностью.

Литература/References

- Бурдьё П. (2001) *Практический смысл*. СПб.: Алетейя.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Le Sens pratique/Practical meaning]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Бурдьё П. (2005) *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Bourdieu P. (2005) *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practice]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Гидденс Э. (2018) *Устройство общества: очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.
- Giddens A. (2018) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii* [The constitution of society: outline of the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).
- Сен А. (2004) *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.
- Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Anrijs S., Mariën I., De Marez L., Ponnet K. (2023) Excluded from essential internet services: Examining associations between digital exclusion, socio-economic resources and internet resources. *Technology in Society*, 73: 1–11.
- Archer M.S. (2010) Morphogenesis versus structuration: on combining structure and action. *British Journal of Sociology*, 61(1): 225–252.
- Asmar A., Mariën I., Van Audenhove L. (2020) *A qualitative analysis of the development of digital autonomy beyond the life course perspective*. Brussels: Belgian Science Policy.
- Asmar A., Mariën I., Van Audenhove L. (2022) No one-size-fits-all! Eight profiles of digital inequalities for customized inclusion strategies. *New Media & Society*, 24(2): 279–310.
- Burchardt T., Hick R. (2018) Inequality, Advantage and the Capability Approach. *Journal of Human Development and Capabilities*, 19(1): 38–52.
- Calderon Gomez D. (2020) The third digital divide and Bourdieu: bidirectional conversion of economic, cultural, and social capital to (and from) digital capital among young people in Madrid. *New Media & Society*, 23(9): 2534–2553.
- Eynon R. (2023) Utilising a Critical Realist Lens to Conceptualise Digital Inequality: The Experiences of Less Well-Off Internet Users. *Social Science Computer Review*, 41(3): 1081–1096.
- Grenfell M. (ed.) (2008) *Pierre Bourdieu: Key Concepts*. London; New York: Routledge; Acumen.
- Helsper E. (2008) *Digital inclusion: an analysis of social disadvantage and the information society*. L.: Department for Communities and Local Government.

Helsper E. (2012) A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication theory*, 22(4): 403–426.

Helsper E. (2021) *The digital disconnect: the social causes and consequences of digital inequalities*. London: Sage.

Ignatow G., Robinson L. (2017) Pierre Bourdieu: theorizing the digital. *Information, Communication & Society*, 20(7): 950–966.

Jones M.R., Karsten H. (2008) Giddens's structuration theory and information systems research. *MIS Quarterly*, 32(1): 127–157.

Livingstone S., Helsper E. (2007) Gradations in digital inclusion: children, young people and the digital divide. *New Media & Society*, 9(4): 671–696.

Mariën I. (2015) *De Dichotomie van de Digitale Kloof Doorprikt: Een Onderzoek naar de Oorzaken van Digitale Uitsluiting en naar Strategieën voor een Duurzaam e-Inclusiebeleid*. Doctoral Thesis. Brussel: Free University of Brussels.

Mariën I., Baelden D. (2015) *8 profielen van digitale ongelijkheden* [8 profiles of digital inequalities]. *Onderzoeksrapport voor het federale onderzoeksproject IDEALiC.be*. (Research Report for the federal research project IDEALiC.be.). Brussels: Belgian Science Policy.

Mariën I., Heyman R., Salemink K., Van Audenhove L. (2016) Digital by Default: Consequences, Casualties and Coping Strategies. In: Servaes J., Oyedemi T. (eds). *Social Inequalities, Media and Communication: Theory and Roots*. Lanham: Rowman and Littlefield: 167–188.

McGillivray D., Mahon J. (2021) Distributed digital capital: digital literacies and everyday media practices. *Media Practice and Education*, 22(3): 196–210.

Merisalo M., Makkonen T. (2022) Bourdieusian e-capital perspective enhancing digital capital discussion in the realm of third level digital divide. *Information Technology & People*, 35(8): 231–252.

Neves B.B., Waycott J., Malta S. (2018) Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the 'age-based digital divide.' *Journal of Sociology*, 54(2): 236–248.

Ragnedda M., Ruiu M.L., Addeo F. (2022) The self-reinforcing effect of digital and social exclusion: The inequality loop. *Telematics and Informatics*, 72: 1–13.

Robinson L., Schulz J., McClain N., Hale T., Pait H., Ragnedda M. et al. (2020) Global perspectives on digital inequalities and solutions to them. *First Monday*, 25(7) [<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/10840/9560>] (accessed: 20.06. 2023)

Sallaz J.J., Zavisca J. (2007) Bourdieu in American sociology, 1980–2004. *Annual Review of Sociology*, 33(1): 21–41.

Savage M., Warde A., Devine F. (2005) Capitals, assets, and resources: Some critical issues. *British Journal of Sociology*, 56(1): 31–47.

Scheerder A.J., van Deursen A.J.A.M., van Dijk J.A.G.M. (2020) Taking advantage of the Internet: A qualitative analysis to explain why educational background is decisive in gaining positive outcomes. *Poetics*, 80: 1–12.

Van Deursen, A.J.A.M., Helsper E.J. (2018) Collateral benefits of Internet use: Explaining the diverse outcomes of engaging with the Internet. *New Media & Society*, 20(7): 2333–2351.

Zheng Y., Walsham G. (2021) Inequality of What? An Intersectional Approach to Digital Inequality under Covid-19. *Information and Organization*, 31(1): 1–6.

Источники

Miliband D. (2006) Social exclusion: the next steps forward. Report. *UK Government Web Archive*. [<https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20070506224726/> <http://www.communities.gov.uk/index.asp?id=1161952>] (дата обращения: 20.06.2023).

THEORETICAL MODELS OF DIGITAL INEQUALITY (E. HELSPER, I. MARIËN): COMPARATIVE REVIEW

Natalia Plotichkina (oochronos@mail.ru)

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Citation: Plotichkina N. (2024) Teoreticheskiye modeli sotsial'no-tsifrovogo neravenstva (E. Helsper, I. Mariën): sravnitel'nyy obzor [Theoretical models of digital inequality (E. Helsper, I. Mariën): comparative review]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 7–38 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.1>. EDN: GKOUUQ

Abstract. The article focuses on explanatory schemes, research logic, heuristic capabilities of the online and offline correlation model of exclusion fields (E. Helsper), as well as the continuum model of social and digital inequality, profiling risk groups of digital exclusion (I. Mariën, L. Van Audenhove, A. Asmar) in the explication of the digital divide three-level construct. It is shown that modern studies of digital inclusion are based on the classical sociological conceptualizations of inequality (A. Giddens, P. Bourdieu), the capabilities approach (A. Sen), the intersectional theory (K. Crenshaw). The models of E. Helsper and Belgian researchers are based on the idea of the relationship between social and digital isolation, the reinterpretation of the Bourdieusian categories of “field”, “resource”, “capital”. According to E. Helsper, the fields of exclusion are differentiated by the amount of resources, they are autonomous, but interconnected, they frame individual actions. The operationalization of the concept of personal resources into an analytical model of exclusion fields allows E. Helsper to take into account the freedom of choice of an individual in the construction of online practices. Socio-digital inequality is characterized as the inequality in digital resources and opportunities. The E. Helsper model is based on A. Giddens' theory of structuration in understanding the relationship between sociotechnical structure and user action. The heuristic potential of the

capabilities approach in the explanation of digital inclusion is revealed. The Belgian model is based on the analytical construct of E. Helsper, focusing on the identification of exclusion risk factors relevant to the resources of the individual. The digital divide is interpreted as a continuum, a range of positions on a scale from deep exclusion to deep inclusion. In the model of I. Marien and co-authors, eight profiles of (non)users are identified, social and digital predictors of inequality are identified, the dynamism and procedural nature of digital integration and isolation are emphasized. The model shows that socially and economically vulnerable groups can be active users of online technologies. The differences between continuum model of the social and digital inequality and the conceptual construct of E. Helsper are revealed: instead of mutual influence mediators of online and offline fields of exclusion, indicators of isolation risk are proposed, direct and indirect cause and effect relationships between the determinants of social and digital exclusion are established. It was concluded that it is expedient to use models in the study of digital divide third level.

Keywords: digital divide, digital inequality, social inequality, digital inclusion, digital exclusion, structuration theory, structuralist constructivism, E. Helsper, I. Mariën.